

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ ВАЦЛАВА ЛАСТОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются культурологические штудии В.У. Ластовского, представителя белорусского национального возрождения первой половины XX столетия, которые могут быть исследованы в контексте методологического инструментария постнеклассики и адекватно интерпретированы в аксиологическом пространстве современной культуры – постнеклассическом. Автор акцентирует внимание на образе библиотеки, созданном писателем в повести «Лабиринты» и отражающем единство человеческой личности и народа, гражданина и нации.

Ключевые слова: постнеклассическая культура, культурологические штудии, библиотека, В.У. Ластовский.

Barma O.A.

WACLAW LASTOWSKI'S CULTURAL STUDIES IN THE CONTEXT OF POST-NONCLASSICAL TYPE OF CULTURE

The article discusses the cultural studies of V.U. Lastowski – a representative of the Belarusian national revival of the first half of the XX century that can be explored in the context of the methodological tools of post-non-classics and adequately interpreted in the axiological space of modern culture – post-non-classical one. The author focuses on the image of the library created by the writer in the novel "Labyrinths", reflecting the unity of the human personality and the people, the citizen and the nation.

Keywords: post-nonclassical culture, cultural studies, library, V. U. Lastowski.

На рубеже XX-XXI веков в отечественном научном дискурсе эксплицитно фиксируется установка на реализацию постнеклассических исследовательских программ по изучению духовной культуры личности, общества, народа. Внимание ученых (в первую очередь представителей гуманитарного корпуса) сосредоточено на возможности применения исследовательского инструментария постнеклассики (инспирированного идеей нелинейного моделирования) к изучению объектов ментального характера, составляющих ценностно-смысловое пространство культуры (индивидуальной, национальной, мировой). Начиная от понятия «культура», определенного В.С. Степиным «как система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающей воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [9, с. 43] и ее влияния на индивида – формирование у последнего представлений об окружающем мире в рамках тех универсалий культуры, которые являются доминирующими в тот или иной период развития социума, до формирования негетерогенного культурного пространства – становится проблемным полем для постнеклассики. При этом все вышеперечисленное детерминировано системой ценностных иерархий и интерпретационных матриц, которые рассматриваются (или могут рассматриваться) как нормативные (как для отдельного индивида, так и для всего общества в целом) и являются результатом интеллектуального наследия мыслителей прошлого, интерпретированные их потомками в рамках ценностно-смыслового пространства современной культуры. В силу этого, актуальным становится исследование ценностно-смыслового пространства культуры (как сосредоточение идей, образов, представлений) посредством анализа работ субъектов художественной культуры, определивших во многом в своих работах появление (или создание) новых инструментариев исследования культурных процессов в их статике и динамике. Последние характеризуются существенной нелинейностью своей динамики как в социально-историческом, так и в научно-познавательном своих измерениях.

В этом контексте целесообразным представляется обращение к художественным текстам писателей, созданных последними в период кризиса в развитии социума (криз мышления, мировоззрения, идеалов и т.д.), где четко прослеживаются (в первую очередь в описании социально-культурного развития индивида/общества) явления, получившие в синергетике названия «стабильность и нестабильность», «порядок и хаос», «точка бифуркации».

Анализ событий прошлого (и признание наличие альтернативных сценариев их развития), оказавших влияние на жизнедеятельность человечества в настоящем, а также переосмысление опыта, полученного последним в рамках своей историко-культурной эволюции (идея самоорганизации и саморазвития), возможны сегодня в рамках нелинейного мышления. Как отмечает В.В. Кизима, формирование множества сценариев развития человека и культуры (как творца и творения) основано на мировоззренческих схемах и интерпретационных стратегиях, в основу которых положена идея «сочетания ее [культуры. – текст мой О.Б.] сложности и изменчивости с одновременным сохранением ее самоидентичности» [5, с. 183], зафиксированных в художественных текстах.

Таким образом, тексты субъектов художественной культуры представляют собой результат рефлексивного осмысления последними эволюции культуры и содержат «альтернативные сценарии» влияния самой культуры на развитие человечества. Текст в данном контексте, по оценке Ю.М. Лотмана – «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [7, с. 132].

Анализ таких текстов не представляется возможным в рамках исследовательских практик классики и неклассики, основанных на презумпции линейного детерминизма к пониманию сущности бытия и возможности познания мира. Применение методологического инструментария постнеклассики позволяет выявить скрытые смыслы (теория скрытых смыслов и их интерпретация широко представлена в художественных текстах У. Эко «Имя розы» и «Пражское кладбище» (символика чувств), Х. Кортасара «Игра в классики» и Г. Гессе «Игра в бисер»), которые были помещены в текст автором и не выделены его современниками в отдельные направления исследования (по мнению А.Я. Гуревича [2], каждой эпохе присуща своя категориальная система координат, в которой отражена ее специфика, но в то же время, по оценке Ю.С. Сабадаш [8], большинство работ мыслителей древности не могли быть адекватно интерпретированы в рамках доминирующей культуры, так как отражали новое видения реальности – реальности, которая выходила за грани традиционной системы мышления того времени).

С развитием семиотики, герменевтики, а также с разработкой исторической и концептуальной «локализацией» классического, неклассического и постнеклассического типов рациональности и, соответственно, определения временных параметров использования их методологического базиса для интерпретации смыслового пространства текста, в рамках своих историко-культурных традиций, стало возможно определять и причинно-следственные связи возникновения идеи и способы ее интерпретации а также ее эволюцию от идеи одного до ее воплощения в парадигму (ортодоксию). Как отмечает В.С. Степин, смена одного типа рациональности другим – «это смена парадигм, стилей мышления, доминирующих образцов, картин мира как обобщенных представлений о мире и человеке» [10, с. 27].

Именно в постнеклассическом научном дискурсе на смену линейному видению развития бытия приходит опыт нелинейного видения мира, благодаря которому бытие открывается как нечто поливариативное. Новое видение недетерминированных процессов, как и новое понимание темпоральности, получает свое обоснование в категориальном аппарате постнеклассики, состоящей из авторских исследовательских концепций синергетики (Г. Николис, И. Пригожин) и постмодернизма (Ж. Бодрийар, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко), акцентирующих внимание не только и не столько на объекте познания, сколько на личности самого познающего, на его познавательных средствах и ценност-

ных установках. В силу этого, ценностно-смысловое пространство культуры включает в себя когнитивные модели, схемы мышления, коммуникативные стратегии, формирующие в свою очередь специфические порядки, установки и механизмы трансляции имманентной составляющей самой культуры и ее онтологических и гносеологических программ (познания, понимания, интерпретации и т.д.).

Осмысления субъектом нелинейности мира и бытия может рассматриваться как попытка конструирования нового интеллектуального пространства путем преодоления прежних противоречий, связанных, по оценке Т.Д. Суходуб, с постоянными процессами трансформации «опыта человека и его возможной разнопредметностью, изменением социокультурных контекстов [...] бытия, сменой образа жизни и ценностных приоритетов поколений, [...] [трансформацией. – текст наш О.Б.] мышления человека» [см.: 1, с. 192]. Текст для субъектов художественной культуры является результатом отражения мира (действительности во всех ее многообразиях); пониманием мира самим автором (в контексте доминирующей системы ценностных координат, отражающихся и отражающих результаты культурной деятельности самого субъекта и предшествующих ему субъектов); ценностного отношения к представленному и понятому со стороны творца и актора (читателя).

Интерес в данном контексте вызывают исследовательские практики представителя белорусского национального возрождения первой трети XX века, писателя, общественного и политического деятеля, академика Национальной академии наук Беларуси, историка, филолога Вацлава Устиновича Ластовского. Исследовательские подходы, применяемые ученым в своих культурологических исследованиях, а также их последующий ретроспективный анализ в книговедении, культурологии, филологии, философии демонстрируют их гносеологический потенциал и могут быть объектом исследования со стороны постнеклассических исследовательских практик. Научные изыскания писателя позволили сформировать целостную исследовательскую программу, которую сегодня многие ученые рассматривают в контексте понятия *штудии*.

Штудии как объект понятийного исследования могут быть рассмотрены как совокупность методологических и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, рефлексизирующих себя в единой рамке (сети) проектов и программ, направленных на ретроспективную реконструкцию ценностно-смыслового пространства культуры путем изучения исследовательских интенций субъектов духовной культуры и результатов их культурной деятельности. Как отмечает Т. Качераускас, «культуру можно оценивать как сумму разных человеческих деятельностей – как теоретической, так и практической, как материальной, так и духовной» [4, с. 93], в рамках которой, по мнению исследователя, «каждый исследователь представляет определенную культурную среду и одновременно причастен межкультурным стратегиям гуманитарных исследований» [4, с. 93].

Историческая реконструкция исследовательских программ В.У. Ластовского, с учетом современных тенденций развития научно-методологического аппарата культурологии, позволяет нам эксплицитно зафиксировать интенции ученого к разработке социокультурных проблематик, которые сегодня являются доминирующими в социально-гуманитарных науках, но в эпоху самого ученого лишь имплицитно проявлялись в евроазиатском философском дискурсе. Как отмечает Л.И. Довнар, «основу размышлений В. Ластовского об уникальности и духовной ценности бытия и культуры каждого народа составляет **понятие национального стиля или национальной духовной оригинальности**, а вывод, к которому он приходит, – это сохранение и развитие «беларускай асобнасці», оригинальности в аутентичном народном творчестве, искусстве, языке, поэзии. Ряд «нашенивских» публикаций [...] раскрывают его идею белорусской возрожденческой диалектики **гармоничного единства человеческой личности и народа, гражданина и нации**. [...] Как ключевое, то есть нациотворческое, составляющее основу национального «Я», национальной культуры, в работах В. Ластовского [...] выступает **понятие духовного фундамента**, который составляют *история, язык и письмо, литература*, интегрирующие культуру как целостную систему» [3, с. 177].

Культурологические штудии В.У. Ластовского охватывают не только вопросы бытия культуры, но и историю (историю культуры), социологию (социологию культуры), антропологию (человека как творца культуры и ее творения), вовлекают в свое негомогенное пространство технологии феноменологии и герменевтики, направленные на рефлексивное осмысление мыслительных схем (образцов, парадигм), являющихся основополагающими для конкретной культуры в которой сопрягаются знание и вера, знание и мнение, знание и ценностные ориентации, знание и клише повседневного практического опыта, а также эмоции, бессознательные структуры и неосознанные культурные коды, составляющие ментального пространства культуры и исследовательских программ самого ученого.

Результатом культурологических штудий В.У. Ластовского являются научные и художественные тексты, характеризующие, с одной стороны, круг научных интересов ученого, его творческий потенциал, позволяющий последнему с легкостью перемещаться из пространства научного дискурса в художественный, с другой стороны, выработка индивидуального подхода к изучению неустойчивых и нестабильных процессов культурной динамики первой трети XX века. Ученым написаны работы по истории: «Кароткая гісторыя Беларусі» (Вильно, 1910); книговедению: «Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі» (Ковно, 1926); множество научно-популярных статей по фольклористике, краеведению, а также работы (заметки, записки), посвященные анализу культурных и политических процессов, определяющих историю Беларуси в контексте европейской истории в газете «Наша Ніва», журнале «Крывіч».

Переход В.У. Ластовского из научного дискурса в художественный всегда осуществлялся в рамках актуализации ранее созданных им теоретических конструктов, таких как: «культура», «нация», «наследие». В данном контексте, интерес представляет повесть «Лабиринты» [6], написанная автором в рамках культурфилософской рефлексии над универсалиями культуры и имплицитно отражающая постнеклассические исследовательские практики, применяемые сегодня в отечественном культурологическом дискурсе.

Сюжетной основой повести является рассказ от лица самого рассказчика о поездке в город Полоцк и о путешествии по метафизическим лабиринтам подземного города, размещенного под Полоцким Верхним Замком. Автор акцентирует внимание своего читателя на образе библиотеки Евфросинии Полоцкой (библиотеки Полоцкого Софийского собора), которая, по историческим сведениям, была утрачена во время военных действий на территории Полоцкого княжества.

Библиотека, описанная В.У. Ластовским в повести, олицетворяет аксиологию культуры: огромный, всеохватывающий и неисчерпаемый Каталог значений – яркий символ структурности культурных ценностей (индивида, группы, эпохи, культуры в целом). Библиотека – это знак культуры, символ культуротворчества, инструмент самоорганизации культуры, олицетворения той фазы развития культуры, на которой происходит (в очередной раз) осознание и каталогизация приобретенного, инвентаризация всех ценностей. Библиотека – способ упорядочения культурных значений и смыслов, систематизации и структурирования информации, преобразования хаоса в космос. В образе библиотеки изначально разворачивается смысловой потенциал космогонии, сочетающий в себе культурное единство человеческой личности и народа, гражданина и нации. Для В.У. Ластовского библиотека является концептуальной метафорой, способной сконструировать мышление индивида и предопределить выстраиваемую последним образную картину мира. Мышление, по мнению ученого, представляло мир как иерархическое организованное целое, но целое, в которое включен и сам человек, эмпирически непознаваемо. «Достроить» мир, заполнить лауну может библиотека, идеальная модель совершенства, заключающая в себе все противоположности.

Авторский образ библиотеки обладает огромным творческим потенциалом, выступает знаком понятия, связывающего в единое пространство множество разноплановых областей. Библиотека – это: поэтическая метафора полноты и бесконечности мироздания; образ замк-

нутой и обладающей положительной кривизной Вселенной; интеллектуальное пространство и т.д. Библиотека символизирует гармонию, полноту и упорядоченность окружающего мира. Библиотечное пространство замкнуто, но одновременно бесконечно: центр библиотеки находится везде, а окружность нигде. Как историк, специалист по материальной культуре Беларуси, В.У. Ластовский воспроизводит в повести положения о духовной целостности мира, которой обеспечена его красота. Целостность библиотеки основана на принципе подobia и универсального соответствия окружающему миру.

Внутри библиотеки Полоцкого софийского собора В.У. Ластовский возводит структурирующие ее конструкции – отделы, которые используют, чтобы продемонстрировать нам культурное наследие белорусского народа: «скіраваўся ў славянскі аддзел бібліятэкі. Багацце, якое я тут убачыў у звітках і фаліянтах, прост не паддаецца апісанню. Тут я бачыў не толькі фаліант полацкай летапісі, пісанай рукой княжны Еўфрасініі, але і летапісы шмат ранейшых перыядаў існавання нашага народа. Убачыў сабранне навукі Зямельчыца, якое складалася з чатырох кніг, разбітых кожная на семдзесят два раздзелы. На змест кнігі злажыліся: маральнае права, цывільнае і дзяржаўнае права, гісторыя народа і анталогія лепшых тагачасных літаратурных твораў. Цэлы аддзел бібліятэкі складаўся з кніг, пісаных глаголіцай, якая, як я тут пераканаўся, была шмат старэйшай бадай на добрую паўтысячу лет славянскай граматай, знакі якой развіліся з славянскіх герогліфаў», «У адзеле архітэктурны бачыў я дзіўнай прыгожасці стылёвыя будоўлі так званага гецакага стылю. У адзеле пісьменнасці хрысціянскіх часоў з асаблівай пашанай перахоўваліся тут рукапісы першых хрысціянскіх апосталаў Кірылы і Мяфодзія, аб якіх трэба, аднак, на аснове пачэрпнутых мною ў бібліятэцы даных сказаць, што хоць яны сапраўды пераклалі Святое пісьмо на славянскую мову », «[...] выйшаў у другую салю, а з другой у трэцюю і гэтак далей. Прайшоўшы дзесяткі два саль, напоўненых кнігамі» [6, с. 71-72]. Пределом парадоксальности путешествия по библиотеке становится эффект рекурсии – включения в систему копии самой копии. Герой В.У. Ластовского – пленник библиотеки; библиотека находится в полном распоряжении героя; библиотека не принадлежит герою; герой может ознакомиться с любым изданием, но только в пределах библиотеки; первое его посещение библиотеки было и последним.

Подводя под общий знаменатель столь широкий и неоднородный спектр культурологических штудий В.У. Ластовского и их реализацию в анализе ценностно-смысловом пространстве библиотеки, которая выступает для автора моделью белорусской культуры и воплощает в себе единство человеческой личности и народа, гражданина и нации, можно отметить наличие идей, получивших свое дальнейшее осмысление в контексте постнеклассического типа рациональности и соответствующего ему типа культуры. Феномен нелинейности присутствующий как в рамках авторского методологического инструментария (методика описание библиотеки как физического, так и духовного объекта), так и в контексте реализации идей (способ осмысления значения книжного собрания библиотеки как духовного фундамента в контексте личностного и общественного). Библиотека, описанная ученым в соответствии с философией постнеклассики, функционирует как система «свернутых» и заключенных внутри текстов, которые могут актуализироваться в процессе ее «разворачивания».

Библиографический список

1. Архипова О.В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры: монография. – СПб., 2011. – 267 с.
2. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной эстетики. – М., 1981. – 359 с.
3. Довнар Л. До и после Вацлава Ластовского: белорусская наука о книге в контексте персонального книговедения // Кнуготуга. – 2013. – № 60. – С. 169-190.
4. Качераускас Т. Культурные штудии в Литве: идеи и имена // Международный журнал исследований культуры. – 2010. – № 1. – С. 92-105.

5. Кизима В.В. Самоидентичность культурогенеза как проблема // Totallogy-XXI. Постнекласичні дослідження: сб. науч. ст. – Киев, 1999. – № 2/3. – С. 182-207. (189)
6. Ластоўскі В.Ю. Лабірынты // Выбраныя творы / уклад. Я. Янушкевіч. – Мінск: Бел. Кнігазбор, 1997. – С. 47-74.
7. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи: в 3 т. Т.1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 129-132.
8. Сабадаш Ю.С. Гуманізм як феномен італійської культури: монографія. – К.: ДАКККіМ, 2008. – 361 с.
9. Стёпин В.С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 407 с.
10. Степин В.С. Человеческое познание и культура. – СПб.: СПбГУП, 2013. – 140 с.

Жгулёва О.А.

ФИННО-УГОРСКОЕ НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ В ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНОМ КАРКАСЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В статье рассмотрены системы инвентаризации финно-угорского нематериального культурного наследия, используемые в различных регионах Среднего Поволжья. Нематериальное наследие представлено как ареальный элемент природно-культурного каркаса и часть геокультурного пространства.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, священные рощи, природно-культурный каркас, геокультурное пространство.

Zguleva O.A.

FINNO-UGRIC INTANGIBLE HERITAGE IN THE NATURAL AND CULTURAL FRAMEWORK OF THE MIDDLE VOLGA REGION

The article considers the inventory system of the Finno-Ugric intangible cultural heritage used in different regions of the Middle Volga region. Intangible heritage is represented as an areal element of the natural and cultural framework and a part of the geo-cultural space.

Keywords: intangible cultural heritage, sacred groves, natural and cultural framework, geo-cultural space.

Осмысление культуры многонациональной страны представляется возможным путем изучения локальных (региональных) культурно-географических феноменов. В рамках данного проекта проводятся исследования территории национальных республик Среднего Поволжья: Чувашии, Марий Эл и Республики Татарстан.

Тот факт, что развитие культуры обусловлено географическим пространством, конкретным для каждого региона, применительно к территории Среднего Поволжья, был наиболее полно описан А.Ю. Титовой. По мнению автора, именно *геопространство* выступает как первопричина и одновременно как постоянно действующее условие формирования культурных процессов территории. При этом важнейшим фактором, определяющим своеобразие культуры территории, представляется разнообразие этнокультур. Собственно региональными чертами межэтнического взаимодействия Среднего Поволжья, по мнению автора, являются многонациональность с достаточно постоянным составом преобладающего населения; влияние на культуру территории традиций древних этносов (финно-угорского и булгарского); доминирующее влияние русской культуры; равновеличие всех этнокультур региона, их взаимозависимость и взаимовлияние; широта этнокультурных связей; толерантное бесконфликтное взаимодействие этносов региона [6].